

НА ГОРИЗОНТЕ БЕСКОНЕЧНОГО (Тема бессмертия в философии Соловьева и Ницше)

Ю.В. СИНЕОКАЯ

Все у смертных имеет ценность – невозвратимую и роковую. У Бессмертных всякий поступок (и всякая мысль) – лишь отголосок других, которые уже случались в затерянном далеке прошлого, или точное предвестие тех, что в будущем станут повторяться и повторяться до умопомрачения. Нет ничего, что бы не казалось отражением, блуждающим меж никогда не устающих зеркал. Ничто не случается однажды, ничто не ценно.

Хорхе-Луис Борхес. Бессмертный

Очевидно, что одной из наиболее обсуждаемых и сложных проблем в истории философии остается тема смерти. Нет человека чуждого этой предельно глобальной и самой личной, экзистенциальной трагедии для каждого из живущих. Можно сказать, что кроме человека все живые существа бессмертны, поскольку не знают о смерти. Для людей же мысль о бессмертии сколь непостижимо притягательна, столь и ужасна. Опасность бессмертия повседневной жизни куда страшнее страха смерти. Смерть – это распахнутый выход: принципиальная возможность выбора, побега из невыносимой ситуации, способ навсегда избавиться от содеянного, шанс перестать быть собой. Бессмертие же – безысходность, которая уравнивает все, сметая противоположность между нравственным и безнравственным, рациональным и иррациональным, терпением и презрением. В республике бессмертных Хорхе Луиса Борхеса каждый знает, что на его безграничном веку с ним случится все. «Каждый человек здесь никто, и каждый бессмертный – сразу все люди на свете. Как Корнелий Агриппа: я – бог, я – герой, я – философ, я – демон, я – весь мир, на деле же это утомительный способ сказать, что меня как такового – нет»¹. Интерес к собственной судьбе, сострадание и любовь, смысл жизни имеют значение лишь для недолговечных существ. Парадоксально, но ценность жизни придает смерть.

Истоки интереса к проблеме бессмертия у Соловьева и Ницше

Проблема жизни и бессмертия является одной из наиболее значимых в творчестве Владимира Соловьева и Фридриха Ницше – философов, определивших современную парадигму европейской мысли. Соловьев (вслед за Николаем Федоровым) видел главную задачу философии в подготовке человечества к реализации его конечной цели – победе над смертью. Ницше, напротив, категорически отрицал саму идею личного спасения, считая ее великой ложью христианства:

«... из Евангелия вышло самое презренное из всех неисполнимых обещаний, — бесстыдное учение о личном бессмертии»². Ницше попытался решить проблему принципиально иначе: «Теперь я расскажу историю Заратустры. Основная концепция этого произведения, мысль о вечном возвращении, эта высшая форма утверждения, которая вообще может быть достигнута...»³. В своем учении о вечном возвращении Ницше заглянул по ту сторону смерти, поставив проблему смысла существования перед человеческим родом, осознавшим свою вечность в кольце рождений и смертей. Соловьев видел цель человечества в преодолении смерти, Ницше — в преодолении вечности.

Особое переживание проблемы смерти и бессмертия — результат личного опыта, как для Ницше, так и для Соловьева. Оба философа на протяжении своих недолгих жизней не единожды оказывались перед лицом собственной гибели в результате тяжелых болезней. Оба несли груз неразделенной любви. Одним из самых сильных потрясений для каждого из них стала кончина отца (единственная выпавшая на их долю, но оставившая глубокий след в душе, потеря близкого человека). Несмотря на то, что Ницше пережил трагедию утраты в детстве, а Соловьев — будучи уже сложившимся молодым человеком, эти трагические события существенно определили систему ценностей философского учения каждого из них. Существенно, однако, что потрясения, вызванные жизненными кризисами и тяжелым экзистенциальным опытом, привели Ницше и Соловьева к диаметрально противоположным выводам.

Кончина отца и собственная борьба со смертью в 1883 г. дали Соловьеву мощный импульс к новому пробуждению мысли, к осознанию того, что в жизни есть глубокое благополучие, которое нельзя обойти, но нужно преодолеть.

Ницше, напротив, открыл в себе страшное знание о неизбежности вечного возвращения боли и мучений жизни, от которых нет спасения ни в Боге, ни в человеческих идеалах. Главной проблемой позднего творчества Ницше становится переживание бесконечности, вечности: «Все идет, все возвращается, вечно вращается колесо бытия. В каждый миг начинается бытие; вокруг каждого Здесь шаром катится Там. Центр повсюду. Кривая — путь вечности»⁴. Неслучайно в своем зрелом творчестве Ницше пришел к мистическому учению о вечном повторении одного и того же в мире — очевидно, что болезнь стала для него важнейшим экзистенциальным источником знания: «Несколько раз спасенный от смерти у самого ее порога и преследуемый страшными страданиями — так я живу изо дня в день; каждый день имеет свою историю болезни»⁵.

Богочеловеческий идеал Соловьева, равно как и идеал сверхчеловека Ницше, были обусловлены реальностью бессмертия. Именно бессмертие придает безусловную ценность человеческой индивиду-

альности, определяет необходимость возвышения и облагораживания личности, становится основанием проекта достижения максимально полного совершенства человеческого типа и человеческой культуры. По сути оба мыслителя подошли к одному выводу с разных сторон: богочеловеку Соловьева на пути к воскресению необходимо достичь совершенства; сверхчеловек Ницше обречен на вечное возвращение, поэтому должен стремиться к совершенству.

Подобно тому, как все жизненные силы, по Ницше, должны быть сконцентрированы на процессе восходящего формирования собственной личности (увеличении жизненной, творческой силы в индивидууме), усилия людей, по Соловьеву, должны быть направлены на восхождение к богочеловечеству, ради воскрешения всего смертного человечества.

Поскольку для Соловьева очевидно, что бессмертие несовместимо с повседневной пустотой жизни в нынешней ее форме, постольку воскресение может быть доступно лишь преображенному человечеству, достигшему абсолютной жизни в единстве Истины, Добра и Красоты. «Для пустой и безнравственной невольной и бессознательной жизни — для такой жизни смерть не только неизбежна, но и крайне желательна: можно ли без ужасающей тоски даже представить себе бесконечно продолжающееся существование какой-нибудь светской дамы, или какого-нибудь спортсмена, или карточного игрока? Несовместимость бессмертия с таким существованием ясна с первого взгляда»⁶. В бессмертии нуждается лишь абсолютное, самодавлеющее содержание человеческой индивидуальности.

Бессмертие как концепция вечного возвращения

Учение Ницше о сверхчеловеке сформировалось под влиянием идеи вечного возвращения, из принятия истины о бесконечности повторения всего данного ныне и бывшего прежде. Ницше вынес из внутреннего мистического опыта и положил в основание бытия закон кольца, вечно приводящего все существующее в то положение, в каком оно было когда-то и в каком оно будет при следующем обороте колеса бесконечности. «О, Заратустра, мы знаем, чему ты учишь: что все вещи вечно возвращаются, и мы сами вместе с ними, и что мы уже существовали бесконечное число раз и все вещи вместе с нами»⁷.

Образ круга — вечных изменений среди вечного повторения — является символом, таинственным знаком над входной дверью к учению Ницше о сверхчеловеке. Человек, по Ницше, лишен возможности навсегда избавиться от жизни. Реальность вечного возвращения отнимает у него силу уничтожить себя самого. Без этого ресурса свободы жизнь начинает казаться невыносимой. Когда смерть доступна, послушна и надежна, жизнь возможна, поскольку именно ее доступность дает воздух, свободу и радость существованию. До-

верившись своей интуиции, утверждающей отсутствие смерти как безвозвратного уничтожения, Ницше построил практическую этику для реальности по ту сторону смерти, для мира, где перестают работать привычные ориентиры «добро» и «зло». Философ сделал попытку разработать новые ценности и законы морали, призванные помочь людям справиться с жизнью в ситуации, когда человек остался один на один с безысходностью бесконечного переживания уже случившегося однажды, когда существование замкнуто на себе, и нет силы ни божественной, ни человеческой, во власти которой было бы разорвать это кольцо бесконечности. Этика Ницше — это этика индивидуального спасения личностей, способных к самосовершенствованию. Его моральное учение не для мира, где властвует смерть и надежда на воскресение. Мартин Бубер пронизательно заметил, что для Ницше проблема человека является «проблемой существа, которое из недр природы попало на самый ее предел, на опасный край естественного бытия, где начинается головокружительная бездна под названием Ничто»⁸.

Радостная, оптимистичная вера в воскресение, жизнь вечную, обернулась у Ницше адом вечного возвращения, из которого нет исхода. А концепция сверхчеловека стала нитью Ариадны для человечества в лабиринтах вечного возвращения, где человек обречен на бесконечное переживание одного и того же, не имея шанса вырваться из круга, раз и навсегда остановить череду повторяющихся событий. Замкнутость круга невозможно преодолеть, но можно найти смысл и в этом безутешном бесконечном хаосе. Этот смысл — выработка новых правил жизни во вновь открытой реальности: совершенствование человеческого типа, постоянное развертывание внутренней мощи, усложнение и углубление содержания духовной жизни, поднимающие личность все выше и выше к идеалу сверхчеловека. Каждый сам перед собой отвечает за свою жизнь, поэтому задача в том, чтобы стать настоящим кормчим своей жизни, не дать ей уподобиться бессмысленной случайности. Великое дело — стать самим собою и в себе самом найти себе удовлетворение, ведь, по убеждению Ницше, кто в себе самом не находит довольства, тот всегда готов отомстить за это другим. Для научившегося жить по новым правилам в мире вечного возвращения сверхчеловека, реальность оборачивается бесконечной радостью: «О, как не стремиться мне страстно к Вечности и брачному кольцу колец — к кольцу возвращения!» — говорит Заратустра, и каждая строфа его «Песни о Да и Аминь» — заканчивается припевом: «Ибо я люблю тебя, Вечность!»⁹.

В ницшевском идеале сверхчеловека очевиден переход от индивидуализма к универсалистским тенденциям. В мире вечного возвращения стремление к сверхчеловеку эквивалентно утраченной вере в Бога. Однако сам Ницше не отождествляет веру в сверхчеловека с религиозной верой. «Могли бы вы сотворить бога? — Так молчите о вся-

ких богах! Но вы, несомненно, могли бы сотворить сверхчеловека»¹⁰. Человек в состоянии создать лишь имманентный себе идеал гения, человекобога, — и дальше этого подняться не может.

Богочеловеческий идеал Соловьева

Именно отсутствие Бога в построениях Ницше и его презрение к христианству как «лжи о “воскресшем” Иисусе»¹¹ полностью обесценивает, более того, превращает во зло его концепцию сверхчеловека для религиозного мыслителя Соловьева. Отрицание существования надприродного абсолюта, с одновременным провозглашением на его месте человека, наделенного атрибутами Бога, представляет собой, для Соловьева, не что иное, как сатанизм. Ницшеанский же сверхчеловек оборачивается воплощением антихриста. В «Краткой повести об антихристе» философ доводит антиабсолютизм Ницше до конца, показывая, что идеал Ницше — простое обезбоженное человеческое «я». Соловьевский антихрист необыкновенно умен, велик, прекрасен, благороден и всемогущ и, благодаря своим достоинствам, видит себя полноправным преемником Христа, в силах которого благодетельствовать человечество. Однако, как любой человек, он смертен, и не в силах оградить от смерти других. Следовательно, для Соловьева, сверхчеловек-антихрист с очевидностью принадлежит стану зла: лжепророкам, лжечудотворцам, лжеблагодетелям человечества.

Предмет будущих основных согласий и расхождений в полемике Соловьева с Ницше становится ясным уже из ранних произведений русского мыслителя: «Софии» (1875 — 1876) и «Чтений о Богочеловечестве» (1878 — 1881). Этика богочеловечества Соловьева — это этика скорейшего вращивания человечества в Царство Божие, его прихода к воскресению и бессмертию. Царство Божие сходит сверху, богочеловечество восходит навстречу. Здесь этика представляет собой не механизм индивидуального спасения, а способ ускоренной реализации исторического проекта. У Соловьева нет и быть не может сверхчеловека как представителя особой породы людей. У него любой человек причастен Божеству, а потому является бого(сверх)человеком. Человечество смертно, но подлежит непременно воскресению из мертвых в полном объеме, без исключений — будь то грешник или праведник.

Одно из названий соловьевского бого(сверх)человечества — София. Под мистическим именем Софии Соловьев понимает идеальное, совершенное человечество, вечно заключающееся в цельном божественном существе — Христе. «Все человеческие элементы образуют цельный, универсальный и индивидуальный организм — Софию, каждый из элементов которого — вечная необходимая составная часть вечного богочеловечества. Признание того, что каждый человек своею глубочайшей сущностью коренится в вечном божественном мире, дает истинность человеческой свободе и человеческому бессмертию»¹².

В сочинениях и Ницше, и Соловьева очевидно различимы два варианта подхода к вопросу о сверхчеловеке. В своих более ранних построениях оба философа, рассуждающие подобно естествоиспытателям, ориентированы на появление «высшего» (у Ницше) и «преображенного» (у Соловьева) нового сверхчеловеческого типа. Соловьев, утверждая, что лишь полная победа над смертью сделает человека сверхчеловеком, усматривал путь к бессмертию в эволюции живых форм: «Закон тождества Диониса и Гадеса — родовой жизни и индивидуальной смерти, — или, что то же самое, закон противоборства между родом и особью, всего сильнее действует на низших ступенях органического мира, а если это так, то, с появлением безусловно-высшей органической формы, не должен ли наступить конец этой тирании рода над особью? Если природа в биологическом процессе стремится все более и более ограничивать закон смерти, то не должен ли человек в историческом процессе совершенно отменить этот закон?»¹³ Восхождение к конечному преодолению смерти предполагает изменение внешней и внутренней формы человеческой организации, появление нового андрогинного типа. В работе «Смысл любви» Соловьев доказывает необходимость восстановления целостности (интеграции) человеческой формы как обязательного этапа на пути обретения вечной жизни, или царствия Божьего. «В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет — он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность... Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих»¹⁴.

Первый вариант концепции сверхчеловека у Ницше (представляющий собой начальные наброски и подходы к проблеме) создан еще до откровения о вечном возвращении и потому соответствует по духу эсхатологической логике Соловьева. Ницше практически повторяет структуру раннего соловьевского учения о восхождении собирательного человечества к богочеловечеству. По мысли Ницше, современное человечество, занимающее сегодня высшую ступень в иерархии мирового развития, со временем уступит место еще более совершенному виду, который уже не будет принадлежать к роду *homo sapiens*, а образует особый биологический вид *homo supersapiens* (в теории Соловьева это особый целостный андрогинный тип). Наброски этой концепции сверхчеловека угадываются еще в сочинении «Шопенгауэр как воспитатель». Свое полное раскрытие эволюционистская версия сверхчеловека получает в «Заратустре»: «Вверх идет наш путь, от рода к сверхроду!»¹⁵

В своих поздних версиях восхождения к сверхчеловечеству (Ницше) и богочеловечеству (Соловьев) оба мыслителя оставляют мысль о необходимости трансформации человеческого существа, и скло-

няются к идее, что совершенствование человечества может идти без фундаментальных изменений внешнего типа.

В очерке «Идея сверхчеловека» Соловьев подчеркивает, что суть восхождения к богочеловечеству состоит в продолжении улучшения морального и физического функционирования внутри нынешней формы человеческого рода. «Не создается историей и не требуется никакой новой, сверхчеловеческой формы организма, потому что форма человеческая может беспредельно совершенствоваться и внутренне и наружно, оставаясь при этом тою же: она способна быть формою совершенного всеединства или божества»¹⁶. Стремление стать сверхчеловеком относится не к тем или иным формам человеческого существа, а лишь к способу функционирования этих форм. Каждый человек, по Соловьеву, — уже богочеловек. Для людей естественно тяготеть к идеалу сверхчеловека — хотеть быть лучше и больше, чем они есть в действительности. Но как для божества невозможно духовно-телесно переродить человека без участия самого человека, — это был бы путь не человеческий, точно так же невозможно, чтобы человек из самого себя создал себе сверхчеловечность. Человек может стать божественным лишь силой Бога.

Идеал сверхчеловека у Ницше

В поздних сочинениях Ницше разрабатывает центральную для своей философии версию сверхчеловека. Пограничной чертой между двумя концепциями сверхчеловека у Ницше является интуиция вечного возвращения. Вторая версия основывается на положении о том, что человек не может перейти в иное сущностное состояние, он — неизменный биологический венец природного мира. Уже в «Утренней заре» Ницше подчеркивал, что совершенствование возможно только в пределах существующего вида. В сочинении «Антихрист» Ницше еще более категоричен: «Моя проблема не в том, как завершает собою человечество последовательный ряд сменяющихся существ (человек — это конец)...»¹⁷. Если в «Заратустре» Ницше утверждал, что никогда еще не было сверхчеловека, то в «Антихристе», напротив, речь идет о том, что люди сверхчеловеческого типа уже были: «Этот более ценный, более достойный жизни, будущности тип (сверхчеловеческий. — Ю. С.) уже существовал нередко, но лишь как счастливая случайность, как исключение»¹⁸.

Итак, согласно второй концепции, которую можно назвать культурно-исторической, сверхчеловек только *homo sapiens perfectus*, — совершеннейший человеческий тип. Однако будем ли мы рассматривать сверхчеловека, как особый биологический вид или же как наиболее совершенный тип человека, — в любом случае, по Ницше, на пути к достижению совершенства, необходима трехкратная трансформация сущности человеческого существа в сверхчеловеческое

начало. В речи «О трех превращениях» Заратустра указывает три стадии, или метаморфозы, человеческого духа, соответствующие трем этапам восходящего формирования человека в идеальный тип сверхчеловека.

На начальной ступени человеческий дух символизирует верблюд, навьюченный грузом из многочисленных выхолощенных заповедей, утративших смысл традиций и мертвых авторитетов. На второй стадии — стадии превращения верблюда во льва — человек освобождается от пут, связывающих его на пути к сверхчеловеку, и завоевывает себе свободу для созидания «новых ценностей». С этого момента начинается превращение человека в сверхчеловека. В человеке пробуждается недовольство собой, стремление стать господином своих добродетелей. Заратустра называет это состояние «часом великого презрения»: «В чем то высшее, что можете вы пережить? Это час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас отвратительным, как ваши разум и добродетель. Час, когда вы говорите: «Что мне мое сострадание! Разве оно — не крест, к которому пригвождается тот, кто любит людей? Но мое сострадание не есть распятие»¹⁹.

Великое презрение, отказ от тех учений, которые мешают свободному развитию личности, проповедуя «равенство людей», и отрешение от пессимизма, — представляют собой последние шаги на пути восхождения к сверхчеловеку. Пессимизм Ницше трактует широко, имея в виду как метафизическую доктрину (утверждающую, что небытие лучше бытия), так и этическое учение (рассматривающее тело как начало злое и греховное по своей природе). Высшие люди, порвавшие связь с идеалами современного им общества, еще не свободны от «духа тяжести» — меланхолии, гнетущей человека и убивающей в нем жажду жизни: «С тех пор, как существуют люди, человек слишком мало радовался; лишь это, братья мои, наш первородный грех! И когда мы научимся больше радоваться, тогда мы тем лучше разучимся причинять другим боль и выдумывать ее»²⁰.

Существенно, что тема оптимизма, бодрости духа занимает серьезное место в поздних размышлениях Соловьева. В знаменитой притче афонского странника Варсонофия из жизни древних отшельников в «Трех разговорах» он прямо говорит: «Грех один только и есть смертный — уныние, потому что из него рождается отчаяние, а отчаяние — это уже, собственно, и не грех, а сама смерть духовная»²¹.

Заключительная метаморфоза духа — превращение льва в ребенка — представляет собой этап рождения сверхчеловеческого типа. Младенчество символизирует утверждение жизни: «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, вечновращающееся колесо, первое движение, святое Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое Да...»²². Принятие и оправдание жизни — отправной пункт «пути со-

зидающего». Ницше утверждает, что моральные нормы должны быть выводимы из внутренней природы человека.

Критика Соловьевым идеи сверхчеловека

Соловьев был первым отечественным мыслителем, взглянувшем на творчество Ницше с религиозной точки зрения: «...если и не было перед нами действительного “сверхчеловека”, то во всяком случае есть сверхчеловеческий путь, которым шли, идут и будут идти многие на благо всех, и, конечно, важнейший наш жизненный интерес – в том, чтобы побольше людей на этот путь вступали, прямее и дальше по нему проходили, потому что на конце его – полная и решительная победа над смертью»²³.

Однако, несмотря на очевидные параллели и созвучия по многим проблемам, главным образом, в трактовке темы сверхчеловека, вопрос о том, читал ли Соловьев Ницше или был знаком с его идеями лишь из вторых рук, до сих пор остается спорным. В обширной и хорошо сохранившейся переписке Соловьева 1890-х гг. нет упоминаний о работе над текстами Ницше, а в его статьях отсутствуют специальные ссылки на произведения немецкого философа. Тем не менее, вероятно, что Соловьев все-таки был знаком с творчеством Ницше из первоисточников. Примечательно, что статья о Константине Леонтьеве, напечатанная вскоре после смерти мыслителя в первом номере журнала «Русское Обозрение» за 1892 г., т.е. незадолго до публикации первой русскоязычной работы о философии Ницше Василия Преображенского²⁴, содержит ставшее позже модным сопоставление взглядов Леонтьева и Ницше. Соловьев утверждал, что в своем презрении к чистой этике и культе самоутверждения силы и красоты Леонтьев предвосхитил Ницше.

В эволюции восприятия Соловьевым Ницше можно выделить несколько моментов. Примечательно, что поначалу Соловьев относился к творчеству Ницше вполне нейтрально. Его первые высказывания о философии Ницше (см. статьи «К. Леонтьев» (1892) и «Первый шаг к положительной эстетике» (1894)) не содержат ни особого интереса к рассуждениям Ницше, в которых Соловьев решительно отказывается видеть своеобразие и глубину, ни резкой критики идей немецкого мыслителя (как было принято в то время в академической среде). Соловьев далек и от позиции идеалистов старшего поколения, воспринявших ницшеанство как выражение морального упадка западной культуры. Философия Ницше для него – не более, чем незначительное вторичное явление, ибо «воскрешение мертвых идей не страшно для живых»²⁵. Внимание Соловьева в начале 1890-х сфокусировано по ту сторону ницшеанства.

Работа «Оправдание добра» – апогей славы Соловьева. Эту работу имеет смысл читать как развернутый и обстоятельный ответ Ницше:

несмотря на то, что имя немецкого философа упоминается в ней мимоходом и исключительно в предисловиях к книге, она уже содержит критику идей немецкого философа. Тем не менее, Соловьев не преминул заметить, что ницшеанство заключает в себе семена собственного разрушения и, следовательно, не представляет никакой серьезной опасности и не требует какого-либо особого опровержения или серьезного внимания. Соловьев выступает против эстетизации жизни у Ницше, критикует ницшевский отрыв «красоты» и «власти» от религиозного контекста, настаивая на том, что истинная реализация ценностей Истины, Добра и Красоты возможна лишь как синтез этих трех сущностей в рамках религии и что именно христианство призвано сохранить красоту от уничтожения.

Переключение внимания Соловьева на ницшевскую идею сверхчеловека открыло новый этап в его отношении к Ницше. В ницшевском сверхчеловеке — прообразе антихриста — религиозный философ видел величайшую опасность, грозящую христианской культуре. Соловьев в своих работах противопоставляет идеалу Ницше истинного Богочеловека — Иисуса Христа, победившего смерть телесным воскрешением.

В марте 1897 г., одновременно с завершением первого варианта «Оправдания добра», Соловьев публикует в газете «Русь» маленькую заметку «Словесность или истина?» В этом очерке, который, по признанию самого автора, дополняет и разъясняет главные мысли «Трех разговоров», Соловьев впервые заявляет, что видит свою цель в борьбе с ницшеанской концепцией сверхчеловека как ключевым моментом философии немецкого мыслителя. К этому времени Соловьев начинает говорить открыто, что рост влияния идей Ницше в России представляет опасность для христианской мысли.

В последние годы жизни отношение Соловьева к Ницше приобрело новый оттенок. Оставаясь крайне настороженным, оно становится глубоко заинтересованным и, одновременно, более рациональным. В статье «Идея сверхчеловека», указывая на три модных направления европейской мысли конца XIX века — «экономический материализм» (Карл Маркс), «отвлеченный морализм» (Лев Толстой) и «демонизм сверхчеловека» (Фридрих Ницше) — Соловьев отдает приоритет значимости учению Ницше, подчеркивая, что секрет его популярности в том, что оно несет в себе ответ на духовные запросы современных мыслящих людей. Сама по себе идея сверхчеловека актуальна и необходима, она верно отражает реальность: человеческое должно быть превзойдено. Однако для Соловьева абсолютно очевидно, что истинный сверхчеловеческий принцип уже был явлен в истории в лице Богочеловека Христа — «подлинного сверхчеловека», «действительного победителя смерти» и «первенца из мертвых».

Для Соловьева важно показать, в чем именно заключается ошибка Ницше. Острые его критики направлены на «дурные стороны» ниц-

шеанства: презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, утверждение, что сверхчеловечество — удел немногих избранных натур. Истинная же цель сверхчеловечества, по мысли Соловьева, — победа над смертью, а путь к реализации этой задачи лежит через нравственный подвиг, подавление эгоизма и гордости.

Рассматривая ницшеанскую концепцию «ложного сверхчеловечества» сквозь призму собственного учения о богочеловечестве, Соловьев увлеченно искал предшественников Ницше в интеллектуальной истории. В лекции о Лермонтове, прочитанной в 1899 г., он назвал поэта предшественником Ницше — соблазненным демоном зла, жестокости, гордости и сладострастия. В этой речи Соловьев выстроил прежнюю антиницшеанскую аргументацию, указав что главная ошибка Лермонтова—Ницше заключается в презрении к человечеству, тогда как каждый человек на земле — потенциальный бого(сверх)человек.

В очерке 1898 г. «Жизненная драма Платона», своеобразным предтечей Ницше, воплотившим идею сверхчеловека не в теории, а в своей личной судьбе, и доказавшим тем самым необходимость прихода «настоящего сверхчеловека» — Богочеловека, назван Сократ. Гибель Сократа, исчерпавшего своей благородной смертью нравственную силу чисто человеческой мудрости, стала для Соловьева свидетельством невозможности для человека исполнить свое назначение, т.е. стать действительным сверхчеловеком одною лишь силой ума и нравственной воли. «После Сократа, и словом, и примером научающего достойной человека смерти, дальше и выше мог идти только тот, кто имеет силу воскресения для вечной жизни»²⁶.

Заключительный, «синтетический» период творчества Соловьева, верхней границей которого принято считать «Оправдание добра», а нижней — «Три разговора», прошел под знаком «борьбы с Ницше». Соловьев был обеспокоен быстрым ростом популярности ницшеанской идеи сверхчеловека среди молодого поколения отечественных интеллектуалов. Несмотря на то, что следы внутренней полемики с Ницше и ницшеанским культом сверхчеловека и сверхчеловеческой красоты, можно обнаружить практически во всех поздних произведениях Соловьева, он не оставил сколько-нибудь серьезного исследования творчества Ницше с исторической или метафизической точек зрения и, в отличие от большинства своих современников, никогда не пытался опровергать учение Ницше как философскую проблему.

В большинстве случаев Соловьев писал о взглядах немецкого философа исключительно как об эстетизме, не представляющем действительного интереса, называл Ницше «сверхфилологом», красивыми и громкими фразами стремящимся заставить читателя поверить не в действительного богочеловека Иисуса Христа, а в «мифического

Übermensch и его пророка Заратустру, в результате чего... вместо всех сил небесных, земных и преисподних, перед этим именем трепещут лишь и преклоняют колена психопатические декаденты и декадентки Германии и России»²⁷. Соловьев не опубликовал ни одной работы о Ницше в философских журналах. Даже предисловие к «Оправданию добра» увидело свет в популярном литературном приложении «Книжки недели». И все же за высказываниями Соловьева о том, что сверхчеловек — отнюдь не некое высшее существо, а «вновь учреждаемая кафедра на филологическом факультете», а сами идеи Ницше не более, чем «словесные упражнения, прекрасные по литературной форме, но лишённые всякого действительного содержания», неминуемо вставал вопрос: «Быть может, словесные упражнения базельского филолога были только бессильными выражениями действительного предчувствия?»²⁸.

В «Идее сверхчеловека» Соловьев открыто объявил о своей готовности к серьёзной полемике с ницшевской концепцией сверхчеловека. Однако этот разговор так и не состоялся. Ему помешал сначала скорый разрыв Соловьева с кружком «Мира искусства», а потом подвела черту смерть философа.

Для деятелей русского религиозного ренессанса учителями и главными творческими ориентирами в заново открываемом и лично переживаемом культурном наследии, стали два современника — Фридрих Ницше и Владимир Соловьев. Именно Ницше и Соловьеву мы обязаны стремительным взлетом и крахом русской культуры начала XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борхес Х.Л. Проза разных лет. — М., 1998. — С. 133.

² Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. — М., 1990. — С. 666.

³ Ницше Ф. Эссе Номо. Как становятся сами собою // Ницше Ф. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. — М., 1990. — С. 743.

⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 4. — М., 2007. — С. 222.

⁵ Андреас-Саломе Л. Фридрих Ницше в своих произведениях // Фридрих Ницше и русская религиозная философия. Т. 2. — Мн., 1996. — С. 468.

⁶ Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1988. — С. 520.

⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — С. 225.

⁸ Бубер М. Проблема человека. — Киев, 1998. — С. 42.

⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — С. 233.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. — С. 666.

¹² Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. Соч. В 2 т. Т. 2. — М., 1988. — С. 118.

¹³ Соловьев В.С. Смысл любви. – С. 521.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – С. 41.

¹⁶ Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1988. – С. 631.

¹⁷ Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству. – С. 634.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – С. 15.

²⁰ Там же. – С. 91.

²¹ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1988. – С. 672.

²² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – С. 27.

²³ Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Ницше: pro et contra. – СПб., 2001. – С. 301.

²⁴ Первый в России подробный разбор философских взглядов Ницше был представлен в статье Василия Преображенского «Ф. Ницше: критика альтруизма», опубликованной в последнем номере журнала «Вопросы философии и психологии» за 1892 год (№ 15), т.е. как минимум, полугодом позже выхода очерка Соловьева.

²⁵ Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1988 – С. 351.

²⁶ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. – М., 1988 – С. 625.

²⁷ Соловьев В.С. Словесность или истина? // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. Т. 10. – СПб., 1914. – С. 30.

²⁸ Там же. – С. 32.

Аннотация

В статье исследуется проблема жизни и бессмертия в творчестве Соловьева и Ницше. Для Соловьева задача философии состоит в подготовке человечества к преодолению смерти. Ницше, напротив, отрицает идею личного спасения. В своем учении о вечном возвращении Ницше ставит перед человеческим родом, осознавшим свою вечность в кольце рождений и смертей, проблему смысла существования. Соловьев видит цель человечества в преодолении смерти, Ницше – в преодолении вечности.

Ключевые слова: богочеловечество, сверхчеловек, вечное возвращение, победа над смертью, русский религиозный ренессанс.

Summary

The article is devoted to the problem of life and immortality in the works of Solov'ev and Nietzsche. For Solov'ev the problem of philosophy consists in preparation of mankind to victory over death. Nietzsche, on the contrary, denies the idea of personal salvation. Nietzsche's doctrine of eternal recurrence bears the problem of sense of mankind's existence in the eternal circle of births and deaths. Solov'ev sees the mankind's purpose in overcoming death, Nietzsche – in overcoming eternity.

Keywords: God-man, overman, eternal recurrence, victory over death, Russian religious Renaissance.